

Дойдя до платформы Мяоцан, он ощутил, насколько здесь просторно, и ветер с дождём были особенно сильны. Он подошёл к Полю Цянькунь в северо-западном углу и в потоке дождя молча начал расставлять фигуры, чтобы скоротать время.

Было очень холодно, и Жун Лоюнь продолжил идти, постепенно выходя на длинную улицу. Уже был час свиньи, и Ду Чжун должен был вернуться. С этой мыслью он дошёл до третьих ворот, где было немного теплее, так как они защищали от ветра.

Перед фонарём тонкие нити дождя падали, и он смотрел на них, стоя и ожидая.

Час свиньи прошёл, наступил час крысы. Дождь то усиливался, то ослабевал, стуча по бумажному зонту, заставляя его слегка дрожать. Капли падали, рыбы прятались под лотосами, люди укрывались под крышами, а он стоял за воротами.

К часу быка Жун Лоюнь уже почти сломал ручку фонаря.

В этот момент в шуме дождя и ветра слышался далёкий топот копыт.

Хо Линьфэн вернулся к подножию горы Лэнсан, проехав без остановки триста ли, и его тело было холодным, как лёд.

— Откройте!

Достигнув внешних ворот дворца, он крикнул. Ворота открылись, и он въехал внутрь, разбивая тьму и холод.

Первые ворота открылись, затем вторые, и когда вдали открылись третьи, в углу зажёгся тёплый жёлтый свет свечи.

— Тпру!

Он быстро спешил, его мокрая одежда разбрызгивала воду, а дождь стекал с его лба. Он бросился вперёд и резко остановился, увидев в углу Жун Лоюня.

Жун Лоюнь держал фонарь и зонт, его лицо было спокойным, и он смотрел на него.

— Господин.

Он смело шагнул вперёд, входя под зонт.

— Холодный дождь, берегите себя, чтобы не простудиться.

Жун Лоюнь тихо сказал:

— Ты бы вернулся пораньше.

Хо Линьфэн протянул руку:

— Я нарушил обещание, позвольте мне держать зонт в качестве извинения.

Они пошли вглубь дворца Буфань. Дорога была длинной, тёмной, и шум дождя заглушал их дыхание. Хо Линьфэн держал зонт, Жун Лоюнь нёс фонарь, а лошадь, уставшая от долгого пути, послушно шла за ними.

Порыв ветра заставил хвост лошади развеиваться.

Волосы Жун Лоюня касались мокрой одежды Хо Линьфэна.

Хотя дождь лил как из ведра, они шли не спеша.

Когда они проходили мимо платформы Мяоцан, холодный ветер налетел с новой силой. Хо Линьфэн наклонил зонт, приблизившись к Жун Лоюню, чтобы защитить его от дождя и ветра.

Однако через пару шагов Жун Лоюнь тихо повернул его запястье, выравнивая зонт.

Хо Линьфэн снова наклонил зонт, а Жун Лоюнь снова повернул его руку. Так они продолжали, пока не дошли почти до Зала Цяньцзи, когда Хо Линьфэн не выдержал:

— Господин, вы мне запястье сломаете.

Жун Лоюнь сказал:

— Тогда не двигайся.

Край зонта наклонился, и Хо Линьфэн тут же сделал движение, хотя его слова были спокойными:

— Так я лучше вас защищаю от дождя, почему вы не хотите, чтобы я двигался?

Жун Лоюнь ответил:

— Ты сам промокаешь.

Хо Линьфэн повернул голову и увидел, что его плечо полностью открыто и дождь стучит по нему. Он был удивлён: оказывается, Жун Лоюнь поправлял зонт, чтобы он не промок.

— Мне всё равно, я и так уже мокрый.

Сказал он, вдруг желая что-то уточнить.

— Господин, вы всё это время ждали за воротами?

Жун Лоюнь ответил:

— Нельзя сказать, что всё время, я только что пришёл.

Хо Линьфэн посмотрел на фонарь:

— Да?

Красная свеча внутри почти догорела, значит, он горел уже давно. Он настаивал:

— Правда только что?

Жун Лоюнь помолчал, затем сказал:

— Ну, может, минуту.

Хо Линьфэн не поверил:

— Минуту? Или час?

Жун Лоюнь раздражённо ответил:

— Ладно, час.

Это было более правдоподобно, но Хо Линьфэн с ехидством добавил:

— Господину так трудно сказать правду, что я лучше спрошу у учеников в Зале Цяньцзи.

Это была всего лишь шутка, он не собирался спрашивать у кого-то ещё.

Однако, когда они почти дошли до Безымянной обители, раздался треск, и Жун Лоюнь сломал ручку фонаря. Он тихо признался:

— Я ждал с часа свиньи.

Хо Линьфэн с недоверием поднял зонтик. С часа свиньи? С часа свиньи до часа быка — целых четыре часа? Его губы дрогнули:

— Господин...

Впервые он обратился к нему так нежно.

Жун Лоюнь холодно ответил:

— Ты думаешь, я ждал тебя? Я ждал новостей, которые ты принесёшь.

Он опустил голову, держа сломанную бамбуковую ручку.

— Если будешь продолжать задавать вопросы, я и тебя сломаю.

Они уже дошли до Безымянной обители, и Хо Линьфэн послушно замолчал, следуя за ним внутрь.

Пробираясь по каменистой дорожке к крыльцу, Жун Лоюнь снял обувь и носки, босой поднялся на пол. Хо Линьфэн сложил зонтик и сделал то же самое, поставив свои чёрные сапоги рядом с белыми шёлковыми туфлями Жун Лоюня.

Он был полностью промокшим, и его ступни чувствовали тепло пола. Он стоял неподвижно, боясь, что, если пошевелится, с него начнёт капать вода, и Жун Линьфэн заставит его вытирать пол. Он готов был скорее умереть, чем заниматься уборкой.

Жун Лоюнь, не подозревая о его мыслях, не сняв плаща, сначала зажёл свечи внутри и снаружи. Затем он зашёл внутрь, взял несколько полотенец и плед, вышел с ними и бросил их в Хо Линьфэна.

Даже самая заботливая забота в его исполнении становилась грубой.

— Благодарю господина за заботу.

Хо Линьфэн был доволен. Он снял головной убор и одежду, вытерся и, наконец, накинул плед. Наконец-то он избавился от ночного холода, и, увидев на полу коробку с едой, почувствовал голод.

Он сказал:

— Господин, я голоден.

Жун Лоюнь с сарказмом ответил:

— Бедняжка.

Он взял коробку с едой и пошёл в зал, сам тоже не ужинавший.

— Смотри, какой ты жалкий, иди сюда, я тебя покормлю.

Хо Линьфэн почувствовал странную горечь, как будто его сердце пропиталось дождём. Оказывается, это такое чувство — быть высмеянным. Немного неловко, немного раздражает, но и смешно. Он решил не сдерживаться и громко рассмеялся.

Они сели за стол друг напротив друга. Еда была довольно обильной: жареный карп, утка, суп с фрикадельками и зеленью, но была только одна миска пшеничной каши. Жун Лоюнь поставил её посередине, чтобы есть вместе.

Будучи сыном аристократа, Хо Линьфэн иногда выдавал свои привилегии. Он попробовал кусочек карпа:

— Наверное, он остыл, не такой свежий.

Затем отведал утку:

— Мясо жестковато, пережарили.

Жун Лоюнь выпил чашку горячего чая, успокаивая себя, чтобы не разозлиться.

Он потянулся за кашей, и их палочки столкнулись. Хо Линьфэн наконец вспомнил, где находится. Он уже сказал глупость, и теперь пытался исправить ситуацию:

— Но это всё равно очень вкусно... Я не могу остановиться.

Жун Лоюнь ел молча, даже не удостоив его ответом, и только после еды откашлялся. Раз уж он вернулся, вытерся, согрелся и поел, пора было перейти к делу.

Он держал чайник, чтобы согреть руки, и спросил:

— Какая ситуация в Ханьчжоу?

Хо Линьфэн серьёзно ответил:

— Господин, былые времена процветания прошли, теперь это место, похожее на мёртвую землю.

Жун Лоюнь ожидал этого. Он встал, поманил его и повёл во внутренний кабинет. Стол был завален, поэтому они сели за небольшой стол у кровати, где лежали бумага и кисть. Жун Лоюнь сам растёр чернила:

— Нарисуй мне карту.

Хо Линьфэн взял кисть и нарисовал основную карту Ханьчжоу: главную улицу, правительственное здание, зернохранилище. Всё было точно и чётко. Жун Лоюнь мысленно похвалил его: он не ожидал, что Хо Линьфэн так хорошо умеет составлять карты.

Часто рисуя стратегические карты в армии, Хо Линьфэн привык ставить флажок на «зернохранилище», что означало захват. Закончив, он перевернул бумагу и нарисовал карту усадьбы Цзя Яньси, более детализированную.

Вдруг он почувствовал дыхание и поднял глаза. Жун Лоюнь, опершись локтем на стол, склонился над картой. Они были близко, и тени от его ресниц под светом лампы были отчётливо видны, мерцая, словно живые.

Жун Лоюнь спросил:

— Ты видел Цзя Яньси?

Хо Линьфэн ответил:

— Да, среднего роста, с чёрной родинкой на левой щеке.

Он замолчал, вспоминая двух человек, которых видел.

— Рядом с Цзя Яньси было два мастера, с мечами, с грубыми ладонями. Они убили множество людей у здания правительства.

Жун Лоюнь поднял глаза:

— Как они выглядели?

Хо Линьфэн ответил:

— Оба в одинаковых официальных сапогах и одежде, с масками.

Жун Лоюнь сузил глаза, его пальцы сжали край стола, и он сломал угол. Осколки дерева впились в его ладонь. Он закрыл глаза, подавляя бурю мыслей, а когда открыл их, был спокоен.

— Ты хорошо справился.

Он спокойно сказал.

— Отдохни два дня и иди домой.

Резкая реакция и это отстранение заставили Хо Линьфэна понять, что что-то не так. Подойдя к двери, он не стал задавать вопросы, а просто предупредил:

— На кровати холодно, не забудьте закрыть окно, если будете долго сидеть.

Жун Лоюнь слегка вздрогнул, но, повернувшись к окну, не ответил.

Он оставил плед, и шаги Хо Линьфэна постепенно удалялись. Он надел мокрую одежду, обувь и пошёл по каменистой дорожке. На веранде горел свет, и он увидел, как Хо Линьфэн уходит.

Без фонаря и зонта, он тихо пробормотал:

— Дурак.

<http://bllate.org/book/16167/1449193>